

МАКОВСКИЙ М. М.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМБИНАТОРИКИ

*Светлой памяти
проф. Георгия Семеновича Шура*

Процессы, происходящие в языке, уже давно сопоставлялись лингвистами с комбинациями в шахматной игре [1, 2]. Необходимо, однако, иметь в виду, что, зная возможные ходы отдельных шахматных фигур, нельзя все же точно предвидеть те конкретные взаимосвязи, в которые они могут вступить друг с другом и те «цепные реакции», которые могут быть следствием этого. В языке же, в отличие от шахмат, мы, как правило, не знаем заранее ни возможных «ходов» отдельных элементов, ни тем более возможных результатов их взаимодействия и дальнейшей комбинаторики, ни характера тех новых языковых ситуаций, в которые каждый раз по-новому вовлекаются одни и те же языковые единицы, изменяясь или не изменяясь качественно и количественно, оказывая влияние на качество и количество других единиц в пределах одной и той же или различных языковых подсистем и обуславливая (не обуславливая) входжение или выход тех или иных элементов. В этой связи для изучения сущностных характеристик языка весьма важно исследование характера дистрибуции отдельных языковых единиц, возможностей и результатов их комбинаций в тех или иных ситуациях.

Лингвистическая комбинаторика — это отрасль языкознания, изучающая в рамках лингвистического времени качественные и количественные характеристики как языковых континуумов, так и входящих в них языковых элементов с целью определения возможности (нескольких возможностей или невозможности) и результатов различных видов их взаимодействия. Речь идет об анализе совместимости или несовместимости, образования различных конфигураций, или чертежей данной системы или подсистемы, а также выявления тех из них, которые могут остаться в языке в данный период его существования. При этом большое значение приобретает исследование категорий свободы и необходимости как в отдельных звеньях системы, так и в целостной системе, а также причин и результатов группировки и перегруппировки элементов, систем и их преобразований — пересечения, наложения, слияния, включения в систему или выключения из нее, свертывания, развертывания. Весьма важны и свойства элементов и систем — порядок следования, протяженность, иерархия. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что одни из вновь возникших языковых континуумов могут, а другие не могут выступать в дальнейшем в качестве исходных для новых комбинаторных преобразований.

Комбинаторика пронизывает все звенья и ярусы языковой системы, начиная от более мелких единиц (фонетические элементы слова, морфемы, слова и их значения) и кончая наиболее крупными (предложение, сверхфразовое единство, языковые континуумы — лексемные и семантические), причем оба указанных вида комбинаторики взаимодействуют между собой. Именно комбинаторика является основным принципом организации всех без исключения языковых единиц, формой их существования, эволюции и взаимодействия. В самом деле, любая языковая сущность, единица, реалия, независимо от своей величины и качественной характеристики, предполагает одновременное пересечение и комбинаторику различных категорий, процессов, материальных единиц, значений, свойств, при-

знаков, связей и комбинаторных схем, наблюдаемых на фоне комбинаторики различных и постоянно меняющихся языковых ситуаций [3—4]. Как справедливо отмечает В. М. Солнцев, «способность к комбинаторике есть общее и обязательное свойство единиц языка, обусловленное общесистемными фундаментальными свойствами единиц языка — дискретностью и неоднородностью. Иерархичность и линейность, также относящиеся к фундаментальным свойствам языковых единиц, обуславливают способ реализации комбинаторики» [5]. Характер и результаты комбинаторных изменений на более высоких языковых уровнях, как показывают наши наблюдения, находясь в непосредственной или опосредованной связи с комбинаторными возможностями на более низких уровнях и нередко всецело обуславливаются ими. В результате комбинаторики языковых единиц могут возникнуть, а могут и не возникнуть единицы, обладающие новыми качествами по сравнению с исходными, причем комбинации единиц разных уровней [6] дают различные результаты (ср. англ. прилагательное *simple* «простой», но существительное во мн. ч. *simples* «лекарственные травы», англ. сленг *simples* «страх»). Большое значение для комбинаторики имеет вид отношения, в которые вступают языковые объекты, — синтагматические (линейные), парадигматические (группировка в классы на основании общности или сходства свойств), иерархические (отношения вхождения менее сложных единиц в более сложные или отношения зависимости одной единицы от другой).

Для комбинаторики большое значение имеют процессы упрощения и усложнения языковых структур, единиц, континуумов, что ведет соответственно к развертыванию, дезинтеграции (возникновению нескольких структур, функционально находящихся в дополнительной дистрибуции и равносильных в своей совокупности одной исходной единице в пределах данного континуума) и свертыванию, интеграции (возникновению одной единицы, функционально равносильной нескольким исходным) [7]. Таким образом, между структурами данных объектов, несмотря на их различное материальное воплощение, может быть установлено одно-однозначное соответствие, в связи с чем становится возможной трансформация этих структур друг в друга или «передача» элементов одной структуры — другой. В этой связи интересно отметить, что в ряде случаев, например, в социальных диалектах, одно и то же слово может иметь совершенно разнородные значения, не соответствующие известным семантическим последовательностям (см. об этих последних [8]). Так, глагол *to do* в английском сленге означает: 1) «уничтожить; убить», 2) «отсутствовать», 3) «приказывать», 4) «обманывать», 5) «дружить», 6) «отбывать тюремное заключение», 7) «посещать» (*to do art galleries*), 8) «нападать на к.-л.» (ср. также существительное в значении «успех»). Здесь одновременно проявляется, с одной стороны, «передача» различными словами своих значений слову *do*, транспозиция значений, а с другой стороны, — свертывание, т. е. усложнение семантической структуры *do*, соединение, комбинация в его составе самых разнородных, не соотносимых с семантическими циклами значений, представленных (или ранее представленных) как в словах той подсистемы, куда входит *do*, так и в словах смежных подсистем. Подобные же случаи можно наблюдать, например, в таких словах, как франц. арготические *rengracier* «остановить(ся)»: ср. *Rengracie le chiffon rouge!* «Замолчи!»; *Je rengracie le jeu* «Я прекращаю игру» (др.-франц. *regracier* «благодарить», итал. *rengraziare* «то же»); *renard* «взятка; рвота»; англ. сленг *chance* «расстояние»; *commission* «здоровье»; *humr* «скорость»; франц. арго *dixième, dix* «прогулка» (ср.: *faire un dixième sur le préau*).

Интересно, что семантические циклы [9, с. 46] представлены не только при диахроническом разворачивании одного и того же слова, но и в рамках синхронии, где отдельные элементы семантического цикла распределяются в пределах различных корней. При этом каждый элемент того или иного семантического цикла может лечь в основу новой самостоятельной семантической последовательности, обнаруживаемой в рамках самых

различных корней, что ведет к образованию взаимосвязанных комбинаторных комплексов. Нередко неизменность формы сочетается с возможностью изменения значений, свойств и связей, а неизменность значений, свойств и связей — с изменением формы. Если языковой континуум организован на основе количества, то это ведет к расширению его материального состава на основе какого-то общего признака или нескольких признаков независимо от того, изменяется ли семантика (ср. вхождение в социальные диалекты большого количества синонимов); если же в основе комбинаторной схемы континуума лежит качество, то это может привести не только к семантическому изменению отдельных слов, но и к взаимной «передаче» значений, семантической транспозиции внутри континуума (при этом некоторые лексемы только «отдают» свои значения, некоторые только «принимают» значения, а некоторые и «отдают», и «принимают») [9, с. 42, 132—133, 135—136].

Только определенная комбинация связей, свойств и отношений приводит к образованию именно данной языковой сущности (реалии), обуславливает меру ее жизнеспособности и диапазон функциональной нагрузки. Индивидуальность языкового объекта определяется прежде всего характером его свойств и функций, их группировками, т. е. конфигурацией структуры и системы объекта и характером элементов. Особое значение приобретают типологические характеристики языковых объектов. Речь идет о внутренних и внешних, общих и частных, основных и производных структурах, изменяющихся и сохраняющихся частях структур, а также таких их свойствах, как смежность и несмежность, непрерывность и прерывность, внутренний предел определенных свойств, отношений, связей и др. Одна и та же номенклатура свойств и связей при другой их группировке дает языковую сущность с иной качественной определенностью. С другой стороны, не только определенная комбинаторика обуславливает те или иные процессы, но и сами эти процессы нередко совместимы лишь с определенной комбинаторной схемой на всех уровнях языка: в пределах отдельного слова (точечного континуума), где в соответствии с тем или иным комбинаторным укладом поразному соотносятся форма и значение, в пределах предложения, языкового континуума и/или нескольких континуумов. Интересна различная комбинаторика слова на словообразовательном уровне. Например, отрицательный префикс *un-* в английском языке может сочетаться далеко не со всеми прилагательными, хотя чисто внешне прилагательные, которые не могут принимать этот префикс, ничем не отличаются от тех, которые с ним сочетаются (ср. невозможность таких префиксальных форм, как **unbroad*, **undeep*, **unwide*, **unbold*, **unglad*, **unglad*, **unstrong*, **unfull*, **unheavy*, **unshort*, **unold*, **unweak*, **unevil* и др.)

Тип комбинаторики (комбинаторная схема) на всех уровнях различен, поскольку языковая система организована по принципу отрицания отрицания: система совместима только с антисистемой, формой существования языка является принцип «единство, тождество противоположностей». Если состояние системы характеризуется несколькими величинами, то оно может изменяться в направлении каждой из этих величин. В этом случае говорят, что система имеет несколько степеней свободы, т. е. несколько возможностей независимых изменений и комбинаций. Весьма важно для комбинаторных процессов взаимодействие количественного принципа с качественным. Интересны в этой связи следующие немецкие примеры: *hören* «слышать», но *gehören* «принадлежать»; *raten* «советовать», но *geraten* «угодить куда-л.»; *fallen* «падать», но *gefallen* «нравиться» (префикс *ge-* сам по себе не меняет значения глагола, а лишь увеличивает его протяженность). Качество и количество в лексике и семантике, однако, согласно нашим наблюдениям, находятся в обратном отношении¹ (ср. также известные тезисы П. Менцерата).

¹ Следует отметить, однако, что, как показывают наши наблюдения, прямое соотношение качества и количества скорее является исключением, чем правилом, и обусловлено, видимо, наложением других комбинаторных процессов (в частности, транспозицией значений в пределах нескольких лексико-семантических подсистем). С дру-

Возникает вопрос: каков тот предел, после достижения которого замена вставка, увеличение или уменьшение элементов комбинации (например, фонетических составляющих слова) ведут к изменению значения? С другой стороны, до какого предела изменение значения не ведет к изменению формы комбинационного комплекса? Следует иметь в виду, что предел развертывания или свертывания лексемного ряда (т. е. состояние, после которого наступает разрыв целостности связанного аттракцией ряда лексем), как показывают наши наблюдения, не совпадает с пределом развертывания или свертывания значений (т. е. с состоянием, когда происходит разрыв семантического цикла): в последнем случае предел достигается раньше, чем в первом. При этом определенная к р и т и ч е с к а я к о м б и н а т о р и к а лексем (она неодинакова для различных комбинаторных схем) может влиять на изменения, переинтеграцию, выход или вхождение значений, а критическая комбинаторика значений может обусловить изменения, переинтеграцию, выход или вхождение лексем. И еще вопрос. Чем обусловлены те относительные связи, которые неизменно устанавливаются в языке между материальной формой слова и значениями, каковы те факторы, которые могут нарушить, разрушить или, наоборот, никак не влиять на эти связи? Следует иметь в виду, что единицы плана выражения и плана содержания обычно организованы на основе совершенно различных комбинаторных схем, причем комбинаторные схемы одного из этих уровней не могут использоваться в сфере другого. Известно, что при изменении значения материальная оболочка слов обычно не меняется, при изменении материальной оболочки слова (ср. разного рода подвижные формативы, мену гласных и согласных, тмезис и др.) значение не меняется, при одновременном же изменении формы и значения слова происходит его «разрыв», образование нескольких новых слов (ср. этимологические дублеты типа англ. *clock* «часы» и *cloak* «пальто»). Необходимо иметь в виду следующую антиномию. Для языка как системно-структурного образования более важен способ группировки элементов, а не сами группируемые элементы: одна и та же комбинаторная схема может сочетаться с разными материальными элементами, а разные схемы — с одними и теми же лексико-семантическими единицами. С другой стороны, известно, что в каждый период времени люди говорят конкретными словами, имеющими определенное значение (или значения). Определенное равновесие между материальной оболочкой слова и его значением возможно только в той мере, в какой их комбинаторные схемы остаются качественно различными. При нарушении этого различия может произойти выход из языка одинаково структурированных лексем или значений, могут возникнуть семантически неопределенные лексемы, допускающие сочетание с произвольными значениями (ср. так называемую многозначность, особенно в социальных диалектах), или появиться значения, комбинируемые с произвольными лексемами. В этом плане особенно показательно явление вариативности. Пределом изменения формы, после достижения которого наступает изменение значения, является несовместимость данной формы с той или иной комбинаторной схемой значения, а пределом изменения значения, после достижения которого наступает изменение формы, является несовместимость данного значения с той или иной комбинаторной схемой формы. В случае близости или совпадения комбинаторных схем плана выражения и плана содержания — нейтрализация слова или значения, а также выход слова из языка. Ср. изменение значения в результате замещения фонетических элементов слова [11]: русск. *тереть* — *терять*; *жалеть* — *желать*; *паять* —

гой стороны, устойчивость слов и их значений находится в прямой зависимости по отношению к их количеству (например, по отношению к протяженности слова). Любая таксономия или комбинация фонеморфологических единиц сама по себе остается для языка мертвым конструктом, если она не в состоянии вступить в комбинацию с одним или несколькими значениями и, таким образом, образовать уникальную языковую комбинацию — слово. При этом разные слова могут иметь одну и ту же комбинаторную схему, а одно и то же слово в процессе своего существования может сменить несколько комбинаторных схем. Сказанное проливает свет на механизм выхода слов и значений из языка и появления в языке новых слов и значений.

поить; русск. *тереть* — *терять*; *жалеть* — *желать*; *паить* — *поить*; *пить* — *петь*; *метить* — *метать*; англ. *bend* — *bind*; нем. *fliehen* — *flehen*; литов. *šaltas* «холодный» — *šiltas* «теплый». Интересно, с другой стороны, сопоставить примеры замены фонетических элементов слова, не обуславливающей никаких семантических преобразований: англ. диалектн. *hoggan* — *foggan* «пирог со свининой»; нем. диалектн. *Schodel* — *Schuggel* «Нагг»; *Rieschen* — *Ruggen* «Säge», англ. диалектн. *bausic* — *mausic* «полный (о человеке)».

Каждая языковая реалия и языковой континуум — результат взаимодействия самых различных комбинаторных схем². Определенная комбинаторная конфигурация, бытовавшая в прошлом, в пределах той или иной языковой единицы пересекается с качественно и количественно иной комбинаторной схемой, представленной в настоящем и обладающей всеми предпосылками для возникновения новых комбинаторных укладов в ходе дальнейшего существования языка (своеобразные языковые «гены») [12]. Необходимо иметь в виду, что чисто внешнее рассмотрение только того, что непосредственно представлено в языке в синхронии и диахронии, без учета взаимосвязей и взаимодействия всех или большинства промежуточных комбинаторных схем и процессов, которые обычно как таковые в языке не представлены, неизменно приводит к иллюзиям, далеким от действительности, к искажению сущности исследуемых явлений: причина нередко принимается за следствие, а следствие за причину. Непосредственно наблюдаемые в языке элементы, в частности лексемы (материальные сущности) и их значения, в большинстве своем не являются феноменами *primum datum*, а следствием или результатом целой цепочки насланивавшихся друг на друга процессов взаимодействия этих элементов. В каждый отдельный период существования языка реально представлены лишь относительно конечные продукты взаимопроникновения языковых структур, их связей, отношений, функций, свойств, т. е. результаты целого ряда комбинаторных преобразований, которые могут связывать и разъединять отдельные языковые реалии и континуумы, накладывая на них определенные ограничения или нейтрализовать последние. Вследствие этого в каждый данный период существования языка отдельные его элементы или их значения как бы повернуты к нам лишь одной из своих сторон. Вместе с тем комбинаторика может обусловить и свободу, факультативность тех же элементов или значений, одновременно входящих в другие континуумы. Именно поэтому возможны скрытые комбинаторные схемы, причем представленная в языке минимальная комбинаторная единица не обязательно должна включать две реалии (с другой стороны, вполне возможно существование в качестве комбинаторной единицы целого континуума качественно и количественно различных элементов, объединенных единым комбинаторным условием). В качестве примера «скрытых» комбинаторных схем можно указать на весьма спорное с точки зрения происхождения английского слово *body* «тело», которое при ближайшем рассмотрении оказывается опроценным парным словом, причем первая часть этого слова, как и вторая, претерпела сложные семасиологические преобразования. Первая часть рассматриваемого слова (др.-англ. *bōdig*, др.-в.-нем. *potah*, *botah*) соотносится с и.-е. **bhū-* «*schwellen, wachsen, gedeihen; entstehen, werden, sein*» (типологически ср. нем. *leben* > *Leib*; тох. В *sarwece* «*forme d'existence*», но *sarwana* «*visage*»), которое могло дать значение «*пихать, бить, гнуть; мять, месить глину, придавая ей форму*» (ср. лат. *rumpere* «*рвать*», но нем. *Rumpf* «*тело*»). Значение «*резать, бить*» могло переходить в значения «*кожа, тело*», а также «*спрятать*» («*то, что спрятано под кожей, телом*»), о чем свидетельствует вторая часть слова (ср. др.-англ. *dēag* «*Farbe*»; *dēagol* «*verborgen*»; гот. *deigan* «*to knead*», др.-инд. *dēhmi* «*I smear*», *dēhah* «*body*»), синонимичная первой. Ср., с одной стороны, англ. диалектн. *to bud* «*to set energetically to work*»; *bud* «*the impetus of the wave on the*

² Интересно, что Ф. де Соссюр называл функцию в языке «*activité de groupement*» [10].

shore», но др.-в.-нем. гапакс: *bodanbrāwi. lippitudo* «Augentzündung» [13], тох. *A pāt-saṅk* «fenêtre», др.-инд. *bhāti* «lumière»; ср. также: серб.-хорв. *boja* «краска», но русск. *бои, бумь* (типологически ср. др.-англ. *liðian* «бить, резать», но др.-исл. *littr* «краска»). Поскольку системность в языке немислима в «чистом виде», а неизменно предстает как диалектическое единство системных и асистемных явлений, именно нарушение системности нередко выступает в качестве не только стимула, но и результата различных комбинаторных процессов, что ведет, с одной стороны, к дальнейшей переинтеграции системы, а с другой — к установлению ее относительной стабильности. Таким образом, исследование комбинаторики в языке — это прежде всего реконструкция тех промежуточных звеньев, которые хотя реально и не представлены, уже сыграли или могут сыграть существенную роль в становлении тех или иных элементов, значений, связей и их различных группировок. При комбинаторном анализе следует исходить из того, что не всякое изменение в языке связано с эволюцией и не всякая эволюция характеризуется внешним изменением. Внешне различные процессы и явления в языке могут быть результатом разворачивания или свертывания одного и того же феномена, а внешне одинаковые явления, процессы, формы, значения могут соотноситься с самыми различными (качественно и количественно) феноменами. Интересно в этой связи рассмотреть комбинаторику на уровне лексико-семантических преобразований. И.-е. **ger-* «вертеть, двигать» лежит в основе слов с совершенно различными значениями. Ср. следующие комбинаторные схемы: I — а) лат. *carpere* «pflücken», др.-исл. *hreppa* «erhalten, greifen», литов. *krūpti* «to turn round», *kreipti* «to turn upside down», а с другой стороны, б) др.-инд. *kṛpita* «кустарник», др.-исл. *hrapi* «низкорослое дерево», но также в) русск. *крепкий*, нем. *Kraft* «сила» (ср. семасиологическую параллель: лат. *robur* «дубовое дерево», но *robustus* «сильный, мощный»; русск. *дерево*, но *здоровье*) и II — относящееся к тому же корню англ. *grease* «жир» (ср. семасиологическую параллель: англ. *fat* «жир» и англ. диалектн. *fet* «тянуть, дергать», др.-инд. *pātati* «лететь, спешить», *pātáyati* «бросить»; ср. также англ. диалектн. *to fink* «покинуть, сбежать», но *finkle* «жир»). Отметим также, что германский корень, представленный др.-англ. *féorh*, др.-в.-нем. *ferah* «anima», нем. диалектн. *Ferch* «Mark, Leib und Leben, Kernholz» в австрийском диалекте немецкого языка имеет значения: 1) «конвулсия», 2) «расстройство желудка», 3) «мазка (у коровы)», причем, в отличие от прочих немецких диалектов, где это слово среднего рода, в Австрии оно женского рода. В этом плане комбинаторный анализ предстает и как своеобразная типология, основная цель которой — не просто исследование реально представленных языковых явлений, а анализ различных языковых коифигураций и укладов, как специфических для определенных языков, так и общих для нескольких (родственных и неродственных) языковых систем; комбинаторика изучает также возможности и результаты совместимости, преобразования и взаимодействия этих конфигураций. В связи с этим при исследовании комбинаторики большую важность приобретает использование вероятностных методов и теории игр.

Изучение комбинаторики в языке требует определения как характера объектов, которые подвергаются той или иной организации в языке, так и категорией, на основе которых такая организация реализуется (структура, система). В настоящей работе мы будем исходить из следующего. Структура — это сложное иерархическое целое, элементы которого находятся в определенных отношениях. Система — иерархическая сеть связей (связь — это совокупность причинных отношений и отношений взаимозависимости) между элементами данной структуры в относительной независимости от их свойств. При этом структура является первичной по отношению к системе. Объект — иерархическое полифункциональное целое, обладающее структурой и системой. В отличие от отношений, неотделимых от свойств элементов и являющихся атрибутом структуры, связи между элементами существуют безотносительно к свойствам данных элементов, у которых могут быть и могут не быть общие

свойства и которые помимо того, что они находятся в данной связи, находятся еще во множестве отношений, определяемых числом свойств этих элементов. Многочисленность и изменчивость отношений каждого элемента определяются бесконечностью свойств, характерных для него, его многокачественностью и полифункциональностью. Как отмечает Г. С. Щур [14—15], общим принципом организации систем любых объектов являются не оппозиции, не отношения, а связи. При этом более сложное не всегда означает «более высокого ранга». Не все элементы, находящиеся в отношениях, оказываются связанными, но все элементы, связанные между собой, обладают отношениями. Не каждый элемент связан с каждым и тем более со всеми другими элементами. При этом тип связи между элементами — не всегда взаимосвязь. Соотношение в языке структуры, системы, отношений, связей и свойств является комбинаторикой этих категорий. Качественная характеристика связи между данными элементами и другими связанными элементами — не одинакова. Она определяется ролью данной связи в том или ином объекте с точки зрения его функционирования и ролью элементов, между которыми существует данная связь в данной иерархической структуре. Кроме того, она определяется и тем, существует ли связь между отдельными элементами или между группами элементов. Качественные характеристики существенных, несущественных и генетических связей определяются всецело с точки зрения функционирования данного объекта. При этом существенные связи могут быть и генетическими, и синхронными, а генетические могут быть несущественными для одного или нескольких периодов эволюции языка. Зависимость изменений системы от преобразования структуры позволяет предположить невозможность существования закрытых, замкнутых или изолированных систем. Следует признать, что как в синхронии, так и в диахронии в языке сосуществует (комбинируется) множество самых различных систем, причем не только материальный состав, но и качественное устройство этих систем постоянно меняется. В этой связи вряд ли правомерно признавать наличие в языке некой абстрактной «единой» системы.

Исходными параметрами комбинаторных преобразований являются количество, качество, порядок, выбор, иерархия, функция. По отношению к этим категориям различная группировка конкретных языковых элементов и даже их различные преобразования и связанные с этим процессы являются вторичными, т. е. следствиями, а не причиной. Именно определенное соотношение той или иной из этих категорий с другими категориями того же уровня является решающим для выбора своеобразного «чертежа», «схемы» организации элементов языкового континуума (мы будем называть это комбинаторным коэффициентом или основанием континуума). Развитие и существование языка предполагает наличие порядка и порождает его, но одновременно оно возможно только на основе отрицания порядка как созидającego момента. Таким образом, в языке большое значение приобретает комбинаторная ситуация, в частности, случайная ситуация. Так, контаминация др.-англ. *hæfer* «козел» и *hæfer* «овес» привела к тому, что синонимичное *hæfer* «козел» слово — др.-англ. *gāt* — приняло мнимое значение «овес» (др.-англ. *āt*, англ. *oat* < **gāt*: относительно элизии начального согласного ср. русск. *коза*, но литов. *ožys*). В результате контаминации др.-англ. *hæfer* «козел» и *hæfer(n)* «скорпион» синонимичное *hæfer* «козел» слово — *bucca* «козел» — приняло мнимое значение «жук, насекомое» (ср. англ. *bug*).

Как мы уже отмечали, даже в пределах одного языкового элемента вполне возможны комбинаторные преобразования; с другой стороны, несколько языковых элементов могут не образовывать континуум и не включаться в комбинаторные процессы. В результате пересечения нескольких языковых континуумов может произойти нейтрализация не только отдельных свойств языковых элементов, но и самих этих элементов; кроме того, пересечение языковых континуумов или их элементов часто приводит к ограничению их протяженности и/или к качественному и количественному изменению свойств и/или значений, а также к их упорядо-

чению или, наоборот, к нарушению исходного порядка. Наконец, пересечение нескольких языковых континуумов может привести к появлению нового континуума или новых элементов континуума, новых значений. Как показывают наши наблюдения, возможности комбинаторики языковых континуумов обратно пропорциональны возможностям комбинаторики как между отдельными элементами, которые в них входят, так и внутри отдельных языковых элементов (комбинаторика формы и содержания). Комбинаторное развертывание континуумов ведет к свертыванию комбинаций отдельных элементов и их свойств, и, наоборот, комбинаторное развертывание элементов континуума ведет к комбинаторному свертыванию языковых континуумов и их частей. Чем больше количество (размеры) отдельных элементов в языковом континууме, тем меньше способность такого континуума к комбинаторике с другими континуумами; чем больше протяженность континуума, тем меньше способность отдельных его элементов к комбинированию. Если комбинаторика ведет к образованию нескольких языковых реалий или значений, то они несовместимы в одном ряду. Всякая комбинаторика — это упорядочение, поэтому чем свободнее порядок, тем меньше возможности комбинаторики. Большое значение для комбинаторики имеет языковое окружение, определенная языковая среда. Окружения тех или иных языковых элементов на определенном отрезке системы обуславливают тот или иной тип их комбинаторной организации, а тип языковой организации в свою очередь обуславливает возникновение определенного окружения.

Мощным фактором комбинаторных преобразований является присущий любой языковой системе и каждый раз неодинаковый набор ограничений, «запретов» (constraints), позволяющей избирательно «включать», «выключать» или нейтрализовать те или иные языковые процессы или явления, а также все реалии, континуумы реалий и значения, подпадающие под запрет. Комбинаторика положительного и отрицательного является для языка основополагающей: любой языковой объект, отличаясь теми или иными свойствами, признаками, связями, тем самым исключает, не допускает другие свойства, признаки, связи. Запрет в языке — это установление различных степеней свободы (прерывность) тех или иных процессов в соответствии с коэффициентом комбинаторики, лежащим в основе организации той или иной языковой сущности (слов, значений) и/или языкового континуума и предполагающим ограничение комбинаторики элементов континуумов и рядов, в которые они входят, определенным относительным пределом. Реально в языке переплетаются и накладываются друг на друга несколько различных запретов, в результате чего обычно возникает равнодействующая всех этих запретов. Отметим, что одно и то же явление или элемент могут одновременно выступать и как «запрещенное», и как «незапрещенное», если они входят в несколько языковых континуумов, бытующих в языке. С другой стороны, один и тот же запрет может охватывать несколько явлений и несколько континуумов. В рамках континуума, подпадающего под тот или иной запрет, внутри отдельных элементов может наблюдаться большая или меньшая степень свободы комбинации признаков и свойств. Наложение на определенный участок языкового континуума нескольких последовательных запретов (в том числе качественно или количественно неодинаковых) равносильно снятию запрета. Если комбинируются элементы с разными признаками, то результатом этой комбинации может быть элемент, обладающий признаками, отличными от признаков исходных элементов. В зависимости от того, охватывает ли запрет большие или меньшие участки континуума или нескольких континуумов, в какой степени он ограничивает развертывание или свертывание того или иного континуума или пересечение континуумов, в зависимости от большего или меньшего числа языковых процессов, способных в большей или меньшей степени «гасить», нейтрализовать или, наоборот, вызывать к жизни те или иные явления и процессы, мы будем говорить об относительной силе запрета и соответственно о комбинаторной силе той или иной языковой реалии или континуума, в который она входит (эта «сила» определяется, в част-

ности, свободой изменения формы и/или значения реалии или спаянностью элементов ряда, связанных аттракцией [9]). Наложение запрета на разных языковых уровнях проявляется неодинаково: так, свобода на лексико-семантическом уровне может сочетаться с запретом на грамматическом уровне, прерывность на одном уровне может сочетаться с непрерывностью на другом. В пределах различных комбинаторных схем лексико-семантические элементы не равносильны по своему функциональному потенциалу [9, с. 20]: одна лексема может «связывать» одно, два, три и более значений, а одно значение может «связывать» одну, две, три и более лексем (валентность), причем валентность лексемного и семантического уровней как внутри слова (внутренняя валентность), так и в пределах лексико-семантического континуума (внешняя валентность) находится в постоянном взаимодействии. Если комбинаторная схема лексемного (resp. семантического) уровня одного слова отличается от комбинаторной схемы семантического (resp. лексемного) уровня другого слова в пределах лексико-семантического континуума (т. е. они совместимы), возникают «связи по цепочке» между словами, относящимися к самым различным корням (лексикосемантическая аттракция) [9]. Если же комбинаторная схема лексемного (resp. семантического) уровня одного слова совпадает с комбинаторной схемой семантического (resp. лексемного) уровня другого слова в лексико-семантическом ряду (т. е. они несовместимы), неизменно происходит выход слов и значений из языка. Выход слов и значений создает положительный «заряд» внутри подсистемы, а вхождение слов и значений создает отрицательный «заряд» (в первом случае имеется в виду способность того или иного лексико-семантического окружения, или среды притягивать лексемы и значения, а во втором — отталкивать их). Чем больше связей у слова или значения, тем они менее прочны. Отметим, что определенные значения (например, «делать», «ходить», «человек» и др.) в истории ряда языков тесно связаны с определенными лексемами, которые трудно поддаются замене; любопытно, что именно слова с этими значениями в социальных диалектах имеют десятки синонимов, причем слова литературного языка, имеющие эти значения, в социальных диалектах, как правило, не употребляются. Важно также иметь в виду, что комбинаторные схемы различных уровней (в пределах слова, в пределах ряда и между рядами) в свою очередь сами находятся в определенной иерархии и в определенных комбинаторных отношениях.

Свойство избирательности в языке³, наложение определенных «запретов» на возможность вхождения слов в язык и их выхода из него обусловили тот факт, что часть общиндоевропейских лексем представлена только в узких подсистемах того или иного языка, а в некоторых случаях и вообще не представлена в отдельных индоевропейских языках. В английском сленге, например, находим слово *bird* в значении «тюрьма». Это слово, отсутствующее в других слоях английского языка, в частности, в общелитературном, соотносится с тох. *A pruk-* «etre barré, enfermé», литов. *spráusti* «(mit Anstrengung) in einen engen Zwischenraum pressen». Только в английском сленге представлено слово *ball* в значении «удовольствие» (*have a ball*), соотносимое с русск. *баловать* (это последнее некоторые исследователи сопоставляют со ст.-слав. *балис* «врач, прорицатель», *баловати* «лечить», а некоторые — с др.-инд. *balas* «молодой, детский» или лат. *fallo* «обманываю»). Ср. также англ. сленг *to pile up* «повредить, испортить» и тох. *A päl*, тох. *B pile* «blessure», греч. *ἄπλος* «plaie».

³ Любой выбор в языке представляет собой равнодействующую по отношению к качественно и количественно различным возможностям и результатам выбора на уровне слова, континуума, в который входит это слово, нескольких континуумов, и всецело определяется комбинаторикой лингвистических ситуаций, имеющих как внутриязыковую, так и экстралингвистическую природу. Интересно отметить в этой связи, что в ряде случаев языковая система может «пропускать» (resp. не «пропускать») определенные или любые лексемы; вместе с тем отдельные входящие в систему лексемы могут «пропускать» или не «пропускать» те или иные значения. Между этими двумя процессами, видимо, существует взаимосвязь. При этом связи слов и значений могут быть неодинаковыми по своей «силе» и порядку (иерархия связей).

В одних случаях наблюдаются строго определенные комбинации из неограниченного (количественно и качественно) числа языковых элементов, в других возможны любые комбинации из ограниченного числа элементов (ср. явление метафоризации). В качестве примера на последний случай интересно указать на англ. *fish*, нем. *Fisch* «рыба», которое непосредственно соотносится с тох. А *pusäk* «tendon, muscle», (pl.) *puskas*, ср. англ. диалектн. *fish* «a flat plate of iron laid upon another to strengthen or protect it», индо-ар. *pišur* «muscle, flesh». Следует отметить, что в ряде языков понятие «рыба» соотносится с понятием «мускул», подобно тому, как лат. *mus* «мышь» соотносится с *musculus*: ср. следующее парное слово в адыгейском: *ləpčä* «мышца», букв. «плоть, мышца + рыба». Англ. *fish* соотносится с корнем, представленным русск. *писк*, *пищать*, лат. *spirare* «дышать, раскрывать рот», причем этот корень прошел следующий путь метафорической комбинаторики: «дуть, растягивать» → «гнуть» → «бежать, быстро двигаться; сокращаться» (ср. англ. диалектн. *to fish* «стремиться») → «прятать». Ср. англ. *cod* «стручок, оболочка», но *cod* «треска». Интересно, что в русском жаргоне *рыбой* называется шпаргалка (ср. происхождение русского слова *шпаргалка* от лат. *sparganum* < греч. *σπάργανον* «пеленка»). Ср., с другой стороны, англ. *prompt* «шпаргалка», букв. «то, что подгоняет»: следует отметить, что понятие быстроты обычно соотносится с понятием крепости — ср. чешск. *křepký* «быстрый», но русск. *крепкий*, в связи с чем важно принять во внимание соотносимые с англ. *fish* индоарийские слова: *picnā* «to be hard and tight», *piccayati* «to press flat», *piccala* «slimy, slippery, sliding».

«Закономерная» комбинаторика в языке нередко нарушается разного рода контаминациями, как на уровне рукописей, так и в живой речи (паронимия), что создает определенную свободу семантики слова и ведет к вхождению в язык так называемых «мнимых слов». Интересно указать, например, что сленговое слово *bow* [букв. «гнуть; лук (оружие)»] означает «дебют (в театре), начало». Ср., однако, в глоссах Дифенбаха [16]: *arcus. archos. boge. bogen* (с. 45), но *archos. arcus. forst. forstie* (с. 46). Лат. *pätella* «сковорода» контаминировалось с лат. *pätulus* «открытый» (ср. также *patina* «сковорода, миска», но *pätens* «открытый») и соответствовало в др.-англ. *ofen* «сковорода; печь», которое в результате указанной контаминации ошибочно получило значение «открытый» (ср. совр. англ. *open*, нем. *offen*). С другой стороны, синоним *ofen* — др.-англ. *Polle* — контаминировался с др.-англ. *déal* «reichlich, stark» (ср. нем. диал. *toll*), в связи с чем появилось «мнимое» слово — англ. *often* «часто». Очевидно, комбинаторными причинами можно объяснить то обстоятельство, что, как отмечалось в специальной литературе, в языке фонем обычно меньше, чем морфем, морфем меньше, чем лексем, лексем меньше, чем семем, а семем меньше, чем тех познавательных единиц, с которыми может иметь дело человеческая мысль. Следует также учитывать, что в языке обычно представлено значительно меньшее количество комбинаций, чем теоретически возможно, что опять подчеркивает реальность существования комбинаторных ограничений. Отметим также, что омонимия отнюдь не обязана своим происхождением случайному совпадению в синхронии некогда различных слов, а представляет собой результат процесса своеобразного «выравнивания формы», направленного на создание особого комбинаторного языкового уклада, т. е. особой таксономии, основной организующий принцип которой — формальная общность входящих в нее элементов при «свободном» значении. Противоположным комбинаторным укладом является синонимия, организующий принцип которой — «свободная» форма при близости значения. В зависимости от степени свободы языковой подсистемы наличие в ней тех или иных лексем, изменчивость или неизменность их формы, связей, отношений и свойств (количественных и качественных) или отсутствие определенных лексем и их свойств могут быть обусловлены как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими, а иногда и просто случайными факторами. Это последнее обстоятельство может свидетельствовать о характере комбинаторики (более или менее свободном) в и у т р и отдельных языковых реалий, м е ж д у этими

реалиями, а также между языковыми к о н т и н у м а м и, в которые они входят. Способность языка к саморазвитию означает, что воздействие тех или иных условий на языковой объект преломляется через его структуру, характер и состояние которой определяют конкретное направление преобразований структуры и системы данного объекта в соответствии с его функциями. Английское слово *wife* «жена», нем. *Weib* «женщина» соотносятся непосредственно с и.-е. **dyō* «два»: первоначально слово означало «расколотый (на две части), отколотый (от ребра Адама)». Ср. др.-англ. *getwæfan* «trennen, schneiden» (возможно, сюда же англ. *weapon*, нем. *Waffe*); ср. также: англ. диалектн. *dwaub* «a weak person»; *dwibble, dwabble* «flexible, yielding, weak, infirm»; *wip* «on one side, askew». Типологически ср.: франц. арго *bis* «sexe de femme» (ср. лат. *bis* «вдвойне, дважды», англ. сленг *bit* «девушка, женщина», букв. «кусочек, осколок»). Значение «бить, разбивать» (ср. англ. диалектн. *swipe* «бить») соотносимо со значением «мокрый» (типологически ср. и.-е. **māk-* «kneten, quetschen, drücken», но **māk-* «наб; feuchten» [17], с которыми интересно сопоставить англ. *monkey* «обезьяна» и франц. арго *tec* «человек»). Это значение, однако, могло дать значение «женщина»: ср. тох. А *wip* «être humide; mouiller», др.-инд. *ārah* «Wasser», др.-прусс. *ape* «Fluß», тох. В *āp* «Fluß», англ. диалектн. *war. warry* «home-made beer» (типологически ср. др.-англ. *fæmne* «женщина», соотносимое с авест. *paēman* «Milch, Saft», литов. *pienas* «Milch»). Англ. *to play* «играть» (ср. англ. диалектн. *play* «кипеть») соотносится с корнем, представленным тох. А *plāc* «parole, discours», *palom* «louange», др.-англ. *spell* «Predigt, Rede» (ср. нем. *Spiel* «игра», англ. сленг *ball* «удовольствие», русск. *баловать*), ср. также осет. *paelaexsan* «широкий», перс. *farax* «широкий» (букв. «scoriosis in speech»): речь идет о совершении ритуала, который, с одной стороны, связан с произнесением заклинаний, а с другой — с резкими телодвижениями (жрецы входили в экстаз, дергались, выкручивали руки и ноги). В связи с последним следует учесть русск. *плакать*, литов *plākti* «колотить», *plōkis* «удар», лтш. *placināt* «наводить, точить, отбивать», лат. *plango* «бить себя в грудь, громко сетовать» (ср. нем. диал. *plochig* «скверный», англ. диал. *pluck* «горе, несчастье»: типологически ср. греч. *λοιδόρος* «abusive», но лат. *lūdere* «играть»). С другой стороны, ср. др.-инд. *praṅgas* «плетение», русск. *плести*, лат. *plectō*, др.-в.-нем. *flehtan*, а также др.-в.-нем. *fluohhōn* «проклинать», нем. *flicchen*, но *flehen* (типологически ср. русск. *плести* в значении «говорить вздор», а с другой стороны, амер.-англ. диал. *happu* «plaything» < *happen* < **keu-p* «biegen»). К тому же корню следует отнести: лат. *placare* «успокаивать», *placere* «понравиться», тох. АВ *plāk-* «être d'accord avec» (букв. «успокоить божество»), тох. В *pelke* «sentence, jugement solennel», англ. диал. *to pale* «звать» (типологически ср. др.-в.-нем. *jehan* «say, confess», умбрск. *iuka* «prayers», но франц. *jouer* «играть»). Наконец, следует учесть тох. А *pālk-* «luire, briller» (типологически ср. русск. *чудо*, др.-инд. *kaviṣ* «ясновидец, мудрец», греч. *κοῖω* «замечаю», др.-в.-нем. *scouwōn* «смотреть»). Ср. еще: англ. диалектн. *plack* «a situation; an allotment of work» (ср. индо-арийск. *pragira* «to fall», *prakara-* «a scattered heap», **prakr̥tta-* «to cut up», лат. *spelunca* «Höhle, Loch»). Отметим, что наряду с *play* в английском языке представлена форма с «передвинутым» начальным согласным — *to flay* «сдирать шкуру» (ср. литов. *plėsti* «рвать»). Подобным же образом англ. *toy* «игрушка» соотносится, с одной стороны, с корнем, представленным русск. *стук*, *ст чать*, а с другой стороны, осет. *turt*, *tuḡd* «свертывать; обматывать», *uz-dūxun* «скручивать», англ. диал. *toy* «странность» (ср. *he has a toy of scratching his head at dinner*), др.-инд. *tuḡ* «приходить в быстрое движение», а также русск. *тыкать*, *ткать* (ср. англ. диал. *toy* «платок»), франц. арго *toc* «sans valeur réel», *toqué* «fou». Сюда же, видимо, относятся: тох. А *stauk* «se relâcher, se fatiguer», лтш. *tikt* «нравиться», англ. диал. *steg* «остановить».} русск. *тухнуть*, *тушить*, др.-инд. *tūṣyati* «он доволен», ср.-ирл. *tó* «тихий», но также: др.-англ. (нортумбр.) *tog* «strife», осет. *tox* «борьба». Вместе с тем важно иметь в виду осет. *tūg*, *tog* «кровь» (как атрибут жертвоприношения), осет. *tyz* «сила, мощь», др.-инд. *toka-*

«потомство, дети». Семантическое развёртывание корня **tu-*, **tēu-* «жизненная сила» > «семя» > «кровь» > «жир» (ср. др.-русск. *тукъ* «сало, жир»). Типологически ср. англ. *idle* «праздный», но нем. диал. *Idel* «Fett-decke». К тому же корню, что и англ. *toy*, относятся: нем. *Tuch* «платок», чешск. *točiti* «крутить, вить». Отметим, что англ. *play* соотносится еще с тох. А *prak-* «demander», лат. *precari* «prier», нем. *fragen*, а также тох. А *prakte* «punition» (ср. др.-в.-нем. *pflegan* «Schuld übernehmen»). В связи с этим можно полагать, что англ. *bad* «плохой» соотносится с др.-англ. *beodan* «просить» (ср. семасиологические параллели: англ. *nasty* «мерзкий», но ср.-н.-нем. *naschen* «betteln»; др.-англ. *spell* «Rede», но лтш. *peļt* «lāstern», *peļ'as* «Tadel, Schmähung»). С англ. *toy* ср. еще русск. *мухуй*, литов. *dykas* «праздный». В связи с тем, что в средневековые жертвенного ягненка нередко бросали в кипящую воду (ср. швед. *sjuda*, нем. *sieden*, англ. *seethe* «кипеть», но др.-сев. *sauðr* «баран», гот. *sauþs* «жертва»), можно полагать, что англ. *lamb* «ягненок» соотносится с др.-прусск. *lopis* «flame», литов. *lõpė* «light», лтш. *lāpa* «torch», греч. *λάμπειν* «to shine, be bright».

Англ. *sick* «больной», возможно, является причастным образованием от *to sing* «петь» (типологически ср. швед. *gala* «singen, magisches Lied singen», но швед. *galen* «krank, verrückt»). Англ. *bigot* «ханжа, слепой приверженец» возникло в связи с контаминацией значений исп. *bigotes* «усы» и синонимичного франц. *barbe* «борода, растительность на лице», которое в арго означает «оьянение» (> «слепая приверженность»). С другой стороны, арготическое франц. *barbe* контаминировалось с *birbe* «негодяй, мерзавец». Кроме того, следует принять во внимание франц. арго *bigot* «козел; борода». В связи со значением ср. англ. сленг *to goat* «вступить в к.-л. организацию; выступать за к.-л. организацию или ее доктрину». Ср. глоссу из [16, с. 98]: *capere. captio. begriffunge. gefengniß. betrug. argelist*; ср. еще англ. сленг *to play the goat* «play the fool»; «lead a dissipated life». Англ. *oath*, возможно, соотносится с др.-англ. *ētan* «поедать» (ср. древний обычай съедать то, чем клянутся, например, землю). Англ. *bride* «невеста» соотносится с др.-англ. *brod* «Schößling», русск. *прут* (ср. обычай преломлять прут при совершении брачной сделки; типологически ср. лат. *stipula* «ветка», но *stipulor* «совершать сделку»).

Можно выделить следующие непосредственно соотносимые друг с другом основные виды комбинаторных процессов: замещения, взаимодействия (реакции), перестановки, изменения по рядам (последовательностям) в синхронии и диахронии.

1. **З а м е щ е н и я**. Здесь прежде всего следует указать, что так называемые «звучные переходы» (или их отсутствие) обязаны своим происхождением главным образом комбинаторным процессам, а не эволюции (в близкородственных языках одни и те же фонетические и лексико-семантические единицы претерпевают неодинаковые преобразования, а в некоторых случаях изменению в одном языке соответствует отсутствие изменения в другом). Комбинаторными в большинстве случаев являются и лексико-семантические изменения, происходящие, как правило, по принципу цепной реакции: значения, получаемые в процессе замещения тех или иных значений, в дальнейшем могут явиться исходными для значений, не соотносимых с первоначальными, причем каждый последующий семантический «шаг» как бы наслаивается на предыдущий.

2. **В з а и м о д е й с т в и я** (resp. р е а к ц и и) нескольких материальных и смысловых элементов как один из видов их комбинаторики (в том числе и в пределах одного слова, где, как справедливо отмечает В. М. Солнцев, «несубстанциональная природа значений создает своего рода парадокс нелинейного взаимодействия значений линейно расположенных единиц» [5, с. 283]) являются важнейшим способом восстановления нарушенного равновесия системы. Возможны следующие результаты комбинаторного взаимодействия слов и значений: а) на месте двух пересекающихся слов и/или значений возникает новое, третье; б) из двух взаимодействующих слов и/или значений одно нейтрализуется (resp. утрачивается, выходит из языка); в) происходит «перераспределение» значений слов и/или переинтеграция в пределах различных лексем; возникает не-

сколько семантических «траекторий» (комбинаторик) одного и того же значения или одна и та же «траектория» различных значений, представленных в пределах одного и того же или различных слов, что нередко значительно нарушает «преемственность» значений; d) происходит переинтеграция порядка значений, образующих семантический цикл. При этом исключительную важность приобретает принцип неаддитивности, согласно которому значение того или иного слова не складывается из определенных семантических элементов и не может быть разложено на эти элементы. Подобно этому молекула, хотя она и состоит из атомов, не является их суммой и не обладает свойствами каждого из них.

Следует отметить, что так называемые «закономерные» реакции в языке в силу разного рода запретов и случайных языковых ситуаций не всегда возможны. В связи с этим те или иные языковые реалии нередко приобретают не свойственные им изначально качественные характеристики или формы. В качестве примеров на уровне семантики можно привести следующие. Англ. *dog* «собака» соотносится с и.-е. **dhog^{uh}*- «светить, гореть» (первоначально «животное, опекающее, стерегущее стадо» или «животное, идущее по следу»: значение «светить» могло давать значение «смотреть, следовать»). Ср. в связи с этим амер. *dog, hot-dog* «сосиска». Англ. *to cast* «бросать» соотносится с осет. *caest* «глаз», др.-инд. *kāś-* «сиять; смотреть» (типологически ср. англ. *to look* «смотреть», русск. *луч, излучать*, но русск. диалект. *лукать* «бросать»). Англ. *odd* «странный, нечетный (о числе)» соотносится со словами с общим значением «дуть, раздувать» (семантическое развертывание: «увеличиваться» > «выходить за пределы ч.-л.» > «торчать, выпирать» > «выходить за пределы нормального поведения» > «отличаться от четного числа»; типологически ср. англ. *room* «пространство», но *rum* «странный»): ср. др.-англ. *oðian* «дышать», русск. диалект. *удить* «набухать», чеш. *ud* «membrum virile», осет. *udd* «душа». Примером взаимодействия на уровне грамматики может служить слияние предлогов с определенным артиклем в немецком и французском языках: ср. нем. *an + dem > am; zu + dem > zum; in + dem > im; франц. à + le > au; de + le > du; à + les > aux*. Интересны случаи слияния артикля с корнем слова: ср. в кельт. *nastee* «a gift» < *yn astee; noash* < *yn oash* «a custom»; *nest* «the moon» < *yn eayst*; франц. *levier* «a sink» < *l'évier* (ср. др.-франц. *eve* «water»); *lierre* < *l'hierre* (лат. *hedera*); *loriot* «ячмень на глазу» < *l'oriau* (ср. исп. *orzuelo*, лат. *hordeolus*); англ. *lurch* в выражении *leave one in the lurch* «оставить в беде» < франц. *l'ourche* «a card game» < лат. *orca* «a dice-box»; ср. бавар.-нем. *Lurz* «проигрыш в карточной игре» [типологически ср. итал. *lasciare uno in asso* «оставить в беде», нем. *einen im Stiche* («туз в картах») *lassen*], а также плеонастические явления в синтаксисе типа нем. диалект. *Er kam gegangen*, англ. диалект. *he went to go*. Важно учитывать и образование акронимических и акросиллабических слов. Ср. «Buchstabenwörter» во французском арго: *bé* (< *béard*) «tranquille», ср. *laisse ça bé!* «n'y touche pas»; *renvoyé bé* «acquitté en justice»; *bé* «корзина» (< *berri*); *gé* «золото» (< *jeu* «золото», ср. синонимы: *verge, osier*); *cé* «серебро» (металл), ср. *tout de cé* «très bien», *marque de cé* «épouse légale» (< *cercle* «monnaie», ср. *C* как символ серебра в алхимии); *cé* «плохой ученик» (< *culot*); *ré* «обилие, большое количество» (< *rebiffe*); *pé* «mécontentement; danger, alerte au danger» < *pétard* (*faire de pé, cr. furer du pé* «chercher chicanes»); *em's* (< *musique*); *em's* (< *malle*, ср. *caisse-em's*); *bai* (*bé*) «вино» (< *bourgognien*); *ef* «видимость, обман» (< *frime*); *aff, eff, off* «vie, souffle» (табуистическое сокращение раннего германского заимствования: ср. др.-англ. *feorh*, др.-в.-нем. *ferah* «душа»); ср. также: англ. диалект. *aitch* «камин» (по первой букве *hearth*); *to gee* «быть подходящим друг для друга» (< *gibe* «то же»); *oe* «внук» (по первой букве гаэльск. *ogha* «внук»); *esse* «червяк» (< *serpent*); *to see* «схватить» (по первой букве *to catch*); *yam* «картофель» (по первой букве в слове *murphy*, причем гласный в алфавитном названии *m* произносится как восходящий дифтонг); англ. *ache* (по первой букве в др.-англ. *hēarm* «боль»). Примеры акронимических слов: англ. сленг *bat* «spree» < *bend* (*booze, bout, bum, bust*) + *tank up* (*tear, toot*); *curb* < *conk* + *break off*; *beef* «доносить на к.-л.» < *bam* +

+ *file*; *sham* < *shoddy* + *muggled*; *mace* < *mitch* + *swindle*; *pad* < *pillow* + *cod*; фр. *apro efcer* (< F. C. = *faire circuler*) «*passer, donner: efcé ton couteau!*»; «*expulser: efcé le brute!*»; англ. сленг *hump* «плохое настроение» < лат. *humor peior*; русск. *умог* < *умого*.

Взаимодействие значений проявляется также в явлении эллипсиса: то или иное слово в пределах словосочетания принимает несвойственные ему значения соседних слов. Ср. англ. *hag* «ведьма» из др.-англ. сочетания *haegtesse* «*witch*» < др.-англ. *haga, hæg* «*hedge*» + *tesse* (ср. норв. *tysja* «*fairy; crippled woman*», гаэльск. *dusius* «*demon*», литов. *dvasia* «*spirit*»), букв. «*woman of the hedge*» (первый элемент этого слова принял значение второго); фр. арг. *pour* (букв. «для») «ложь»: *c'est pas du pour*; *pour* также выражает недоверие и удивление: «Брось! Не может быть!» (*ah! pour! y a pas plus menteuse*) — сокращение от *c'est pour rire!* Рум. *tare* означает «сильный» (< лат. *tālis* «такой» в *tālis vir*); ср. также серб.-хорв. *jak* «сильный» (< *jak* «такой»); лат. *sermo* (*religiosus*); *dolus* (*malus*); *venenum* (*malum*); *successus* (*bonum*); др. англ. (*flesc*)-*mete* и др. Интересный пример взаимодействия значений нескольких слов путем нейтрализации значений соседних слов находим в китайском: кит. *шэньцзянь* («глубокий» + «мелкий») «глубина»; *чань-дуань* («длинный» + «короткий») «длина»; *кюань-чжуй* («широкий» + «узкий») «ширина»; *цу-си* («толстый» + «тонкий») «толщина»; *шу-ми* («редкий» + «плотный») «плотность»; *ван-цзы* («забывать» + «помнить») «забывать»; *хуань-цзы* («несрочный» + «срочный») «срочность, настоятельность»; *сун-цзинь* («ослабленный» + «напряженный») «напряженность»; *жюань-ин* («мягкий» + «твердый») «твердость»; *ай-цзэн* («любовь» + «ненависть») «ненависть»; *хоу-бо* («толстый» + «тонкий») «толщина»; *чао-ай* («высокий» + «низкий») «высота»; *чюан-ху* («окно» + «дверь») «окно»; *чань-цзин* («сухой» + «чистый») «чистый»; *чан-те* («сталь» + «железо») «сталь» [18]. Весьма наглядно реакция смыслов происходит в пределах словосочетания и независимо от эллипсиса: ср. амер. диалектн. *any more* «сейчас, в данный момент» (*anymore I never see him; it's quite warm anymore; it rains here all the time anymore*); русск. *только что* «сейчас», англ. диалектн. *to think much* «не любить к.-л.», *to think long*; «скучать; страстно хотеть», *meet up with* «одергивать к.-л.», *make up with* «быть довольным ч.-л.», *to do be* «иметь обыкновение»; фр. арг. *sur seize!* «Полундра!»; кит. *дун си* «вещь (букв. «восток» + «запад»). Своеобразными реакциями языковых элементов являются процессы опрощения (дэтимологизации) и переразложения. Очень показательны, что целый ряд слов, вышедших из языка в силу тех или иных комбинаторных причин, при создании соответствующих условий может снова войти в язык. Взаимодействие нескольких материальных элементов языка и/или значений может приводить к уменьшению или увеличению их количества с одновременным изменением (уменьшением или увеличением) качества, в частности, к изменению протяженности слова или континуума, в которой оно входит. Ср., с одной стороны, удвоение как словообразовательный принцип, а с другой — как способ изменения грамматического значения (например, удвоение в табасаранском языке и кубачинском диалекте даргинского языка служит способом грамматического отрицания [19], а в готском языке — способом образования прошедшего времени). Интересны также парные слова [иногда компоненты парных слов настолько «сливаются», что их трудно отделить друг от друга: ср. англ. *empty* «пустой» (др.-англ. *ǣmetta* «*Ruhe, Muße*»; *ǣmettig* «*leer*») соотносится с корнем, представленным др.-инд. *ama*-«*Andrang*», др.-исл. *ama* «*plagen*», нем. *emsig* + корень, представленный др.-англ. *ēhtan* «*to chase, to pursue*» со стяженным *-h-*; типологически ср. осет. *tomar* «устремляться», но др.-англ. *tom* «пустой»], а также явление потенцирования (например, в немецких диалектах), укорочения слов. В ряде случаев происходит полное «расщепление» формы и значения слова (ср. так называемые этимологические дублиеты). С другой стороны, удлинение состава слова нередко является необходимым условием его существования: ср. фр. *père* «отец», но *pèrère* «хороший, крепкий», лат. *papilio*; др.-в.-нем. *fi-falter*; лат. *querquera* «агуе»; лат. *sisara* «a kind of sheep».

3. Перестановки (перемещения) элементов слов (ср. явления метатезы в фонетике) и отдельных слов и значений в пределах языкового континуума или нескольких континуумов. Перестановки являются частным случаем сочетаний и размещений, т. е. соединений элементов, отличающихся друг от друга составом входящих элементов и порядком их расположения. Функциональная значимость перестановок различна: если в некоторых случаях перестановка фонетических элементов слова не приводит к смещению смысла, то в других случаях возможен только определенный порядок следования компонентов слова [ср. русск. *работа*, но нем. *arbeiten*; русск. *хлеботор*, где вторая часть слова должна была бы иметь вид **бор* (ср. *брать*); русск. *ладонь* < *долонь*; русск. *печень*, но литов. *kerpenys* и др.].

4. Последовательности слов и значений, в которых одновременно или последовательно могут наблюдаться соотнесенные (упорядоченные) тем или иным образом преобразования (перестановки или замещения), обусловленные определенным способом (основанием, комбинаторным коэффициентом) их группировки (например, группировка любого количества при ограниченном качестве или любого качества при ограниченном количестве, свертывание, развертывание).

Все сказанное не оставляет сомнения в том, что анализ комбинаторики требует исследования сложного комплекса явлений, определяющих суть самого языка: структуры, системы, отношений, причинно-следственных связей, вариативности, лингвистического времени, категорий диалектики языка и их взаимодействия. Разумеется, все эти явления можно адекватно рассмотреть только на основе анализа большого фактического материала, который неизменно должен лежать в основе любых общетеоретических выводов [20]. К сожалению, многие ученые вместо такого исследования, выражаясь словами Монтеня, «passent par dessus les effects (= faits.— М. М.), mais... en examinent curieusement les consequences» [21]. Как справедливо отмечает Б. А. Серебрянников, «...проблема взаимной мотивации элементов языка является одной из интересных и перспективных областей языкознания. Решить эту проблему можно только при условии изучения причинно-следственных связей в широком плане и независимо от канонических структуралистских определений системы» [22, ср. 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cossour Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933.
2. *Mandelbaum М.* Language and chess.— In: Logic, methodology and philosophy of science, 1968, v. 77, N 3.
3. *Moulton J., Robinson G. M.* The organisation of language. Cambridge, 1981.
4. *Aebischer P.* Etudes de stratigraphie linguistique. Bern, 1978.
5. *Солнцев В. М.* Некоторые вопросы комбинаторики единиц языка.— В кн.: *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. М., 1977, с. 268.
6. *Солнцев В. М.* О понятии уровня языковой системы.— ВЯ, 1972, № 3, с. 9.
7. *Wildgen W.* Catastrophe theoretic semantics. Amsterdam, 1982.
8. *Persson P.* Beiträge zur indogermanische Wortforschung. I—II. Leipzig, 1936.
9. *Маковский М. М.* Теория лексической аттракции. М., 1971.
10. *Engler R. F.* Lexique de la terminologie saussurienne. Anvers, 1968, p. 25.
11. *Макаев Э. А.* Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
12. *Morrissey M. D.* Genetic semantics.— Acta linguistica Hafniensia, 1983, v. 18, N 1.
13. *Starck T., Wells J. C.* Althochdeutsches glossenwörterbuch. Lf. 1. Heidelberg, 1972.
14. *Scur G. S.* On the relation among some categories of linguistics.— General systems, 1966, v. XI.
15. *Scur G. S.* On the principle of interaction of structure and system in a language.— Annali de Istituto orientale de Napoli, 1967, v. 8.
16. *Dieffenbach L.* Glossarium latino-germanicum. Frankfurt-am-Main, 1857.
17. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959, S. 698.
18. *Семенов А. Л.* Коуплятивный вид связи в лексике современного китайского языка: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1973.
19. *Магомедов А. А.* Отрицание в кубачинском диалекте даргинского языка.— В кн.: Языки Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1954, с. 169.
20. *Robins R. H.* Theory-orientation versus data-orientation. A recurrent theme in linguistics.— Historiographia linguistica, 1974, v. 1.
21. *Montaigne M.* Essais. II. Ed. de Rat M. Paris, 1962, p. 473—474.
22. *Серебрянников Б. А.* О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменениях.— ВЯ, 1964, № 3, с. 31.
23. *Clairis Ch.* Classes, groupes, ensembles.— La linguistique, 1984, v. 20, fasc. 1.